

какъ намъ быть, — доѣла насъ «машина желѣзная». А странникъ и говоритъ — потерпите маленько. Эти, говоритъ, машины для иноземныхъ земель годятся, а у насъ зимою онѣ пару не дадутъ, весь паръ замерзнетъ, и машина сядетъ, какъ ракъ на мели. Снѣга потомъ пойдутъ, завалить «всю путь»... Я, говоритъ, видѣлъ, какъ московская машина въ сугробъ залѣзла недалеко отъ Курска и «вызволиться» (высвободиться) не могла. Разъ, другой такъ — и «желѣзку» эту побросаютъ совсѣмъ: И обозы опять пойдутъ по тракту... Лишь бы морозы были хорошіе, а то вамъ робѣть нечего...

— Ужъ какъ обрадовалъ насъ странникъ тогда своими «рѣчьми»... Денегъ ему надавали, добра разнаго. Крѣпко надѣялись. Только, баринъ, занапрасно. Для машины никакой морозъ не подъ шапку. Идетъ она въ трескучій морозъ, раздымается, только шипить да свистить хлеще... Вотъ и весь сказъ. И стали наши Дворы «разсываться», кто куда пошелъ; хаты зачали продавать да сносить, сараи ломать. Длинные сараи были для проѣзжихъ, вонъ какъ эти, что еще отъ стараго «время» остались. Такихъ сараевъ длинныхъ не то что въ деревнѣ, въ слободѣ не найдешь. Кони тамъ ставились.

Старикъ еще немного поговорилъ со мною. Попрощавшись съ нимъ, я двинулся въ обратный путь. Тихо было на Селиховыхъ, пустынно на шоссе. На обратномъ пути повстрѣчались мнѣ всего двѣ-три телѣги, на которыхъ возвращались изъ Курска крестьяне...

А. Танковъ.

